

Алексей Лютый

Рабин Гут

T8 RUGRAM

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)

Лютый, А.

Л96 Рабин Гут / А. Лютый. – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2018. – 524 с. – (Увлекательное чтение).

ISBN 978-5-519-66380-9

Веселое застолье в День милиции стало причиной трещины между мирами, в которую провалились кинолог Сеня Рабинович, омоновец Ваня Жомов и криминалист Андрей Попов. Еще бы! Стоило ли даже в профессиональный праздник пытаться задержать неизвестных, которые оказались ни много ни мало королем Артуром, рыцарем Ланселотом и великим магом Мерлиным. В результате стражи порядка оказались в средневековом Камелоте и теперь им нужно найти способ вернуться домой...

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-66380-9

© Т8 RUGRAM, оформление, 2018
© Т8 Издательские технологии, 2018

ЧАСТЬ I

Куда Макар телят не гонял

Глава 1

— Мурзик, ко мне, — услышал я знакомый голос. — Ко мне, я сказал!

Угу, бегу! Видали идиота?! Вы когда-нибудь слышали, чтобы нормальный человек называл собаку Мурзиком? Я тоже нет. Но моего хозяина нормальным считать нельзя. Он у меня Рабинович. Да еще и мент. Причем не какой-нибудь, а кинолог.

Нет, вы не подумайте, я не антисемит какой. Просто мне, как и вам, трудно представить себе человека с такой фамилией на службе в милиции. Обычно Рабиновичи кое-чем поинтереснее занимаются. Например, снег тунгусам продают.

Но Семен Абрамович у меня не такой. Ему если что в голову придет, то и арапником это желание из-под волос не вышибешь. Не знаю, может, он сейчас и раскаивается, что в пятом классе выменял у приятеля милицейскую фуражку на дырявый резиновый мяч. Однако с тех пор он ее снимает только тогда, когда ложится спать. Даже в ванную в фуражке заходит. В общем, мент он и есть мент. Хоть Рабиновичем его назови, хоть, как меня, — Мурзиком.

Мурзик! А я, между прочим, кобель (в прямом смысле слова) чистокровной немецкой овчарки. Меня не где-нибудь на свалке родили, а в самом что ни на есть специализированном питомнике. Пять лет назад. Вот с тех пор и терплю. Сначала бесился и рычал, а теперь привык. Что с него, Рабиновича, возьмешь?

Он меня и мышей ловить пытался научить. Но не на того напал, гад!!! Мурзика я еще стерплю, хотя перед друзьями до сих пор стыдно, но под кота косить не буду. Так что не вышло из моего Сени Куклачева.

Может, потому и потащил он меня с собой в милицию служить. Сначала работа мерзкая была. Таскался, как бездомная дворняга, по всяким злачным местам. Вы себе не представляете! Даже кости с помойки носить пристрастил. А что? У всех вредные привычки бывают!

Теперь ничего, пообвыкся. Да и не гоняют уже нас так часто улицы патрулировать. Сейчас в городе поспокойней стало. Мы с Рабиновичем по большей части на концерты и футбол таскаемся.

Я, в отличие от него, за «Спартак» болею. Сеня, может быть, тоже за кого-нибудь болел бы, но вот беда — в футболе разбирается хуже, чем я в живописи.

— Мурзик, я тебя долго звать буду? — Это опять Рабинович. Настырный мужик мне попался!

Да иду, иду! Не успокоится никак.

Кто же тогда знал, что так оно все обернется? А потому я не предполагал никаких неприятностей.

Я лениво поднялся с коврика в персональном вольере, что мне в милиции полагался, злобно посмотрел на ехидно оскаленные морды своих соседей, Рэкса и Альбатроса (везет же кобелям на имена!), и поплелся

к выходу, где маячил, как тень отца Гамлета, мой Рабинович. Два этих гада восточноевропейских (тоже мне, высшая раса!) скалиться не перестали. Поэтому пришлось на них рыкнуть.

— Фу, Мурзик! Свои, — заорал Рабинович.

Чего фу-то? Что я, человеческого языка не понимаю?

Как по пьяни душу мне изливать начинает, так нормальным языком говорит. А стоит протрезветь, так задолбает этими своими идиотскими «фу», «апорт», «фас». Слушать противно! Девушке своей так бы в любви объяснялся. Я бы посмотрел, как она бы ему стойку сделала.

Рабинович держал в руке поводок. Кроме него, ничего больше в Сениных конечностях не наблюдалось. Так, если сегодня без намордника, то дело серьезное! Пойдем по ларькам милостыню просить. И то верно. Сегодня как-никак десятое ноября! Наш профессиональный праздник: День работника милиции.

Представляете, который год уже так. Его милость с Поповым и Жомовым на праздник водку хлещут, а мне хоть бы бараньих ребрышек кинули. О мозговой кости я уж и не говорю! Травят меня, гады, то «Чаппи», то «Педигри». Самим-то до лампочки. Целыми днями химию жрут. Даже водку привыкли памперсами... Нет, тампаксами... Тьфу ты — крабовыми палочками закусывать!

Язык с этими дурацкими словечками сломаешь! Ну какие у краба могут быть палочки? Он что, барабанщик, что ли?..

На улице холод был собачий. Кто бы мог подумать, что десятого ноября такой морозище ударит — минус восемь? Мне-то что, я привыкший. Да и шерсть у меня

что надо. А вон, посмотрите: боксер идет. И так морда противная. А еще от холода ее настолько перекосило, что хоть в рекламе снимай: «Что вы можете купить своей собаке на десять рублей в день?»

Рабинович скрючился, словно суслик в Гималаях, и припустил почти бегом. Дурак! На фигу нужно было в кожаную куртку наряжаться? Я, конечно, понимаю, что после возлияний оне-с девок кадрить пойдут. Но ведь и меру надо знать. А то, кроме длинного носа, можно и еще кое-какие отростки отморозить!

Шли мы по улице минут десять. Сеня обычно далеко ходить не любит. Как выйдет, сразу налево поворачивает. Маршрут у него накатанный, хоть трамвай пускай: от участка и до синенького ларечка.

Мне этот ларек вместе с его хозяином (кстати, Арменом зовут) надоели хуже блох. Как ни приду, ларечник, гад, меня «Сникерсами» пичкать начинает. И ведь не откажешься. Рабинович такую бучу поднимет. Дескать, хорошего человека обижаешь!

— Мурзик, сидеть, — скомандовал мне Сеня, едва к ларьку подошли.

И так сажу. Что я, порядка не знаю?

Армен, конечно, догадывался, что мы к нему сегодня припремся. Сидел в ларьке вместо продавца и в окошко пялился. Да так пристально, как иной пес на сучку (а как еще сказать?) не посмотрит! У нас в участке один снайпер так зону обстрела глазами обшаривал. Ну его-то понять можно. Тому снайперу только дай кого-нибудь подстрелить. А Армен-то что?

— Э-ей, Сена, да-авна нэ видэлись! — заорал Армен, распахивая дверь. — Шито так рэдка заходишь?

Что врешь-то, гад? На прошлой неделе только были. Ну ладно. Не буду им мешать. Может быть, хоть сегодня про «Сникерсы» забудут.

— Служба, Армен, — вздохнул Рабинович. — Сам понимаешь...

— Панымаю, Сена. Панымаю! Тяжело вам, — зацокал языком Армен. — Захады, па-асыдым, па-агварым! Чаем тэбя напою. Ха-арощий чай.

Нашел чем мента соблазнить!.. Извините, не сдержался.

Дальше все пошло по-писаному. Мой Сеня вежливо отказывался. Дескать, какие тут могут быть разговоры? Дескать, икорки черненькой для семьи надо купить. Да еще и балычка не забыть. Омара мать, опять же, просила найти...

Угу. На дороге эти омары валяются! Сеня, ты мать-то когда в последний раз видел? Когда она горшок за тобой выливала? Извините, опять не сдержался. Сил никаких не хватит одно и то же раз в неделю слушать. Ну, скажите мне, откуда у ларечника черная икра и омары? Он же не на траулере работает. Даже не министр путей сообщения.

Кончится все сейчас так же, как и всегда. Понятливый Армен (ментам ведь тоже кушать хочется!) положит Рабиновичу в пакет пару пачек крабовых палочек, банку тушенки и еще какой-нибудь дряни. Без водочки, конечно, не обойдется. А потом умный Рабинович меня же и заставит этот пакет тащить. Думаете, для чего он меня сюда привел? Уж, конечно, не «Сникерсы» трескать.

Я слушал их болтовню, стараясь придать морде выражение безразличного высокомерия. Знаете, такое

еще у пятнистого дога бывает, когда ему жутко в туалет хочется, а в самолете ни одного приличного стола нет.

Сидел я на холодном асфальте и ни на кого не смотрел. Не дай бог, еще Армен решит, что я внутрь ларька прошусь. Тогда от шоколадки точно не отмажусь! Хорошо, хоть хвост не купированный. Подстелить есть что. А то от этих посиделок все можно отморозить и ларингит подхватить. Или кое-что и посерьезней.

Рабинович доприбеднялся! Армен подцепил его под руку и потащил внутрь ларька. Ну и скажите, господа хорошие, на кого вы после этого похожи? Увидев, что Сеня закрывает за собой дверь, оставляя меня на улице, я чуть хвостом от радости не завилял. Хорошо хоть, сидел на нем, а то совсем бы опозорился. Думаю, пронесло на этот раз. Внутри с собой не потащат. Значит, и жрать ничего не заставят. В кои-то веки?

Однако не тут-то было!

— Э-эй, Сена, пачему друга на дорогэ оставляишь? — распахнул дверь Армен. — Иды сюда, собачка!

Гад! Так бы и вцепился в сидалище! И за открытую дверь, и за «собачку» тоже.

Рабинович пропустил меня внутрь и потер замерзшие руки. Придирчивым взглядом он тут же произвел естественный отбор содержимого прилавков. Но куда более привередливо высматривал то, что Армен клал в пакет.

Ларечник пытался сохранить невозмутимое выражение лица, что ему не очень хорошо удавалось. Впрочем, чего бы ему расстраиваться? «Сникерс» мне уже сунул. Бегать по улице и искать завалившегося под листву